

# КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

И. Мотышов

## ЗА НИХ ИСПЫТЫВАЕШЬ ГОРДОСТЬ

Возможно, что повесть А. Соболева «Безумству храбрых»<sup>1</sup> поначалу захватывает именно новизной и своеобразной экзотичностью материала. Она — о военных водолазах, ремонтирующих под огнем противника портовые сооружения и поднимающих со дна сурового Баренцова моря потопленные фашистскими кораблями.

Но читаешь страницу за страницей, и все более крепнет убеждение, что дело не только в «материале». Герои книги, семнадцатилетние парни, опускаются на глубину вначале как неумелые и робкие ученики, затем как мужчины и воины. Им угрожают бесчисленные опасности, самая страшная из которых — опасность растеряться и струсить там, под многометровой толщей воды; и по мере того, как происходит их мужание, в повести все сильнее ощущается то «подводное течение», которое отличает художественную литературу от документальной хроники. Как обрывает ракушками и водорослями днище корабля, так «обрастает» сюжет повести раздумьями писателя. Книга о днях двадцатилетней давности звучит современно, если не сказать — злободневно.

...Их было четверо парней, в сущности мальчишек, кончивших водолазную

школу на Байкале и получивших назначение в Заполярье: Федор Черданцев, Степан Кондаков, Толик Малахов и Женя Бабкин. Впрочем, Бабкину — веселому, разбитному «рубахе-парню» — только по документам значилось семнадцать, а на деле было двадцать. Фальшивый документ, приобретенный Женькиной мамашей за крупную взятку, в течение трех самых трудных военных лет берегал жизнь Бабкина.

О том, что Женька живет по фальшивому паспорту, читатель узнает не сразу. И фальшивая Женькина душа тоже раскрывается постепенно. Только в настоящих трудностях, при смертельной опасности, когда сползает с людей всяческая шелуха, обнаруживается под привлекательной внешностью остроумца и певца отвратительная сущность эгоиста и труса.

Повесть отражает реальные сложности жизни. Бывает, и шкурник оказывается в героях. Случайно Бабкин спас жизнь Федору, и его наградили медалью «За отвагу». А вот Степан Кондаков так и не получил никакой награды, хотя совершил несколько настоящих подвигов. И читателю Степан покажется вначале таким неотесанным и прижимистым мужичком-кулачком. Не вдруг разглядят товарищи его кристальную честность, его беззаветную преданность коллективу, его какую-то даже обнаженную, необыкновенную совесть.

Одна из сильнейших сцен повести — собрание по приему Степана в комсомол. Кондакова попросили изложить свою биографию, а он сказал:

— Сестренки у меня есть, четверо. Маленькие...

Ему объяснили, чего от него ждут. Он осерчал:

— Чего родился... Родился, когда и все, в двадцать шестом. Я говорю: сест-

<sup>1</sup> А. Соболев. Безумству храбрых... Повесть. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд., 1964.

тренкам есть нечего, а мы тут сало, масло... Как паны. И деньги еще...

Степан стоит передо мной, читателем, как живой. Скромный, немногословный, угловато-застенчивый, с первоначально-дельным характером, он бесконечно дорог мне. Как, впрочем, дороги и хрупкий, интеллигентный Толик Малахов, проявляющий недожинную смелость и стойкость духа, и мичман Макуха — человек большой, героической и трудной жизни, и Федор Черданцев — самолюбивый, рефлектирующий, нередко ошибающийся, но умеющий побеждать в себе все недостойное.

Федор — центральный герой повести. Это он любит повторять как девиз знаменитые слова Горького: «Безумству храбрых поем мы песню!..» Весь ход изображаемых автором событий как бы опровергает поверхностный смысл этой фразы, тот смысл, который вначале только и ясен Федору. Нет, храбрость не безумна. Безумна «отвага» Женьки, когда он, не отдавая себе отчета в пережитой опасности, «отмывает» из-под осевшего корабля Федора. Стоит Женьке понять, что ему угрожало, как он немедленно впадает в истерику. Настоящий храбрец тот, кто умеет сознательно подавить в себе страх. Самоотверженность не рефлекторна. Как и все подлинно человеческое в человеке, она — проявление высокого сознания. И в этом — коренная мысль повести: герой, срываясь и падая, учится сознательно жить на земле по законам высокой человечности. Федор на деле постигает глубокий смысл таких понятий, как преемственность поколений, дружба, долг, человеческое достоинство, вера в добро.

Мне хотелось бы полюбить, как Федора, и молодого водолаза Ласточкина, и лейтенанта Свиридова, и матроса Жигуна. По замыслу писателя — они интересные, хорошие люди. К сожалению, автор не нашел для них ярких и особенных красок, не понял их, и вышли они из-под его пера какими-то стандартными, не столько живыми людьми, сколько «антропоморфированными» профессиями: комсорг, парторг, наставник зеленой, необстрелянной молодежи.

Вполне мог бы автор обойтись и без языковых штампов («упрямо грыз гранит науки») и без вызывающих ироническую усмешку «красот» стиля («впрыскивал в сознание, как камфору», «ярко-малиновые и бело-зеленые пулевые трассы пунктирили дорогу смерти»). Порой автор чрезмерно и довольно графаретно, по-газетному объясняет то, что происходит с его героями.

Но читая повесть, понимаешь и другое. Все эти огрехи не от недостатка таланта или писательского упорства, а скорее от литературной неопытности. Ведь «Безумству храбрых...» — первое сравнительно крупное произведение А. Соболева. Но уже в этой повести ав-

тор обнаружил зоркую внимательность к жизни и чуткость к звучащему слову. Рисуя неповторимые, как бы приглушенные краски Севера, он подмечает и «бесильный цвет воды», и то, как «сырые звуки, не удаляясь, падали тут же», и как смутно, словно «на переводной картинке», вырисовывается в тумане «силуэт... боевого корабля».

Самое же главное — писатель умеет видеть красоту человеческих душ, умеет показать ее рождение в жестокой борьбе с враждебными обстоятельствами и с низкими, мелкой души, людишками как по ту, так и по эту сторону баррикад.

На трагической ноте заканчивается повесть. Безоружный водолазный катерок в упор расстреляла в открытом море фашистская субмарина. Семнадцатилетние водолазы не искали гибели. Но они смело поглядели ей в лицо и пошли ей навстречу, когда единственной альтернативой могло быть либо предательство, либо гибель при бегстве.

Читая заключительные страницы книги, я невольно вспоминал другое произведение о войне: повесть Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!» Герои обеих книг — ровесники. Но как инфантилен, как наивен и мелок в сравнении с персонажами А. Соболева герой Б. Окуджавы! И хотя его только «убить хотели», однако же не убили, мне его «ужасно» жалко. К героям А. Соболева слово «жалость» неприменимо. За них испытываешь гордость.

---

**В. Михайлов**

## СКАЗКА ЛОЖЬ, НО В НЕЙ НАМЕК

В этой книге<sup>1</sup> много веселой выдумки. На стенах подземных переходов в дворце правителя Топуса, Грозы Вселенной, через каждые несколько шагов нарисованы уши. Они шевелятся, прислушиваются к каждому шороху. Даже в лесу за путниками подсматривает обгорелый пенёк. Под мшистыми бровями у него поблескивают глазки, его рот — черное дупло, он бредет на ногах-корягах.

Герои спасаются от погони, переходят озеро по лунной дорожке. Шагни в сторону, так и уйдешь в темную воду. Преследователи на конях скачут за ними, но в воду летит камень, лунная дорожка

---

<sup>1</sup> Юрий Самсонов. Максим в стране приключений. Иркутск, кн. изд., 1964.